

УДК 343.85

А.Д. Никитин

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА

В статье рассматриваются основные, базовые требования, предъявляемые к постпенинциарному административному надзору как особому правовому режиму. Автор выделяет и раскрывает следующие специальные принципы административного надзора: криминологической обоснованности, индивидуализации и дифференциации, экономии принудительных средств, гласности.

Ключевые слова: административный надзор, специальные принципы.

Определяя специальные принципы постпенинциарного административного надзора, вначале оговоримся, что, как указывали ранее [1], он будет пониматься в широком смысле, в качестве специфического правового режима, правопорядка деятельности органов внутренних дел (и иных государственных органов) и поднадзорных лиц, в отношении которых этот правопорядок (режим) установлен. Именно такое понимание позволяет более полно определить его общеправовые и специальные принципы.

Под специальными принципами следует понимать основные, базовые требования, предъявляемые к указанному специфическому постпенинциарному режиму. Один из исследователей административного надзора в советский период, А.С. Бондаренко, выделял такие принципы административного надзора, как социалистическая законность, социалистический гуманизм, сочетание убеждения и принуждения, участие общественности в осуществлении надзора, индивидуальный подход к поднадзорным, привлечение поднадзорных к общественно полезному труду, гласность административного надзора [2. С. 8]. Очевидно, что некоторые из перечисленных выше принципов – общеправовые, а отдельные специальные принципы ныне неприменимы к административному надзору. С учетом проведенных в аналогичной сфере исследований криминологов административному надзору свойственны или должны быть свойственны и иные специальные принципы. К ним должны быть отнесены следующие специальные принципы: криминологической обоснованности, индивидуализации и дифференциации, экономии принудительных средств, гласности.

Криминологическая обоснованность постпенинциарного административного надзора предполагает, что его установление должно быть основано на данных своего рода криминологического прогноза и нацелено на сокращение рецидивной преступности с учетом ее уровня, динамики и структуры. Здесь вполне допустима аналогия с криминологической обоснованностью норм уголовного права, которые имеют в том числе и аналогичную направленность. Как обоснованно утверждал В.Д. Филимонов, «проблема социальной обусловленности уголовного права – многоплановая проблема. Центральное место занимает в ней проблема обусловленности содержащихся в

нем требований к объективным закономерностям общественного развития. Ее важной составной частью является изучение зависимости содержания уголовно-правовых норм от причин, состояния, структуры и динамики преступности, личности преступника и некоторых других криминологических явлений» [3. С. 3–4]. Таким образом, закрепление в современном российском законодательстве постпенитенциарного административного надзора объективно необходимо. Известно, что уровень рецидивной преступности в нашей стране ныне довольно высок. Согласно исследованию В.В. Городнянской, ее уровень среди лиц, освобожденных из исправительных колоний общего и строгого режимов в 2006–2007 гг., составлял 48,5% [4. С. 50–51]. Это в том числе означает, что имевшихся на момент освобождения осужденных правовых средств предупреждения рецидивной преступности явно не хватало. Следовательно, появление постпенитенциарного административного надзора в целом обосновано. Поскольку постпенитенциарный административный надзор был известен и ранее действовавшему отечественному законодательству, имеется и определенный положительный опыт его применения. Еще в советский период большинство исследователей признавали его эффективным средством предупреждения рецидивной преступности [2. С. 25–26]. Отчасти о его эффективности может свидетельствовать и уровень рецидивной преступности, который, по данным 1978 г., составлял 22% [4. С. 51].

Криминологическая обоснованность постпенитенциарного административного надзора состоит и в оптимальном (необходимом и достаточном) определении круга лиц, в отношении которых он должен устанавливаться. Одним из важных критериев для его установления должно служить поведение осужденных, дающее основание с большей степенью вероятности предполагать возможность совершения ими новых преступлений после освобождения. Иными словами, речь идет о прогнозировании такого поведения. Известно, что в значительной части категории лиц, к которым может быть применен постпенитенциарный административный надзор (как и весь этот институт в целом), заимствованы из прежнего законодательства. Вместе с тем в современных условиях личность освобожденных из мест лишения свободы существенно изменилась, что порождает необходимость проведения новых глубоких научных криминологических исследований. Основанием применения административного надзора должна выступать категория сравнительно большей рецидивоопасности лица, освобожденного из мест лишения свободы. Сейчас согласно ч. 1 ст. 3 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» он устанавливается при наличии определенных оснований в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость за совершение: 1) тяжкого или особо тяжкого преступления; 2) преступления при рецидиве преступлений; 3) умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего. В соответствии с ч. 3 ст. 3 названного федерального закона административный надзор за указанными лицами устанавливается в случае, если: 1) лицо в период отбывания наказания в местах лишения свободы признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания; 2) лицо, отбывшее уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющее

непогашенную либо неснятую судимость, совершает в течение одного года два и более административных правонарушения против порядка управления и (или) административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность. В отношении совершеннолетнего лица, освобожденного или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, а также за совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений, административный надзор устанавливается независимо от наличия указанных оснований (ч. 2 ст. 3). При отсутствии данных оснований административный надзор устанавливается и в отношении лица, совершившего в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости (ч. 2.1 ст. 3).

Совершенно очевидно, что законодатель при определении круга лиц, в отношении которых следует устанавливать административный надзор, исходил прежде всего из большой степени вероятности совершения ими новых преступлений. Однако этот перечень вызывает и определенные сомнения. В него, в частности, не вошли самые рецидивоопасные преступления. Как было отмечено в юридической литературе, «уровень специального рецидива при хищениях достигает 87 %, что, очевидно, свидетельствует не только о большой распространенности корыстных мотивов в психологии рецидивистов, но и об устойчивости антисоциальной направленности таких лиц» [4. С. 57]. Высокий уровень рецидива данной категории преступлений отмечается и при условно-досрочном освобождении [5. С. 9]. Таким образом, необходимо рассмотреть вопрос о факультативной возможности установления административного надзора в отношении данной категории лиц.

Криминологическая обоснованность отнесения к числу лиц, в отношении которых в обязательном порядке должен устанавливаться административный надзор, совершивших преступление против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, наоборот, вызывает сомнения. Так, по данным В.В. Городнянской, «уровень рецидива лиц, начавших свою преступную «карьеру» с преступлений сексуального характера, в полтора раза ниже среднего (42%). При этом только каждый четвертый рецидив освобожденных из колоний общего режима – это специальный, то есть только каждый десятый освобожденный от отбывания наказания за половые преступления вновь совершает аналогичное деяние» [4. С. 59]. Думается, что в основе принятия решения об отнесении рассматриваемой категории лиц к лицам, в отношении которых должен устанавливаться административный надзор, лежал не прогноз возможности совершения ими новых преступлений, а во многом инспирированный средствами массовой информации общий курс законодателя на усиление уголовной ответственности за педофилию.

Постпенитенциарный административный надзор должен устанавливаться на основе принципа индивидуализации и дифференциации. Индивидуализация прежде всего относится к количеству и характеру ограничений, которые

согласно ч. 1 ст. 4 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» могут устанавливаться поднадзорному, а также к сроку административного надзора и возможности его изменения. Решая данные вопросы, суд должен учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, – данные о личности поднадзорного. Здесь следует учитывать как поведение поднадзорного до совершения им преступления, так и в процессе отбывания лишения свободы, его семейное положение и прочие сведения. Во-вторых, – обстоятельства совершенного (совершенных) поднадзорным преступления. В-третьих, установленные ограничения не должны препятствовать осуществлению поднадзорным трудовой и иной социально полезной деятельности, которые выступают в качестве антикриминального фактора. В частности, нельзя признать обоснованным установление запрета пребывать вне жилого помещения во время, когда поднадзорный должен находиться на рабочем месте. Между тем при установлении административного надзора судом по месту отбывания наказания, не видя осужденного, можно определить сферу возможной трудовой деятельности поднадзорного, как и дать точный прогноз относительно его дальнейшего поведения. В этой связи важным элементом индивидуализации постпенитенциарного административного надзора должна быть возможность его корректировки. Такая возможность предусмотрена в ч. 3 ст. 4 действующего Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и ставится в зависимость от образа жизни, поведения поднадзорного лица, а также соблюдения им административных ограничений. В зависимости от указанных обстоятельств суд на основании заявления органа внутренних дел или поднадзорного лица либо его представителя может частично отменить административные ограничения или на основании заявления органа внутренних дел может дополнить ранее установленные поднадзорному лицу административные ограничения. Кроме того, указанным Федеральным законом предусмотрен порядок продления или досрочного прекращения постпенитенциарного административного надзора (гл. 2), что также является элементом его индивидуализации, направленной на стимулирование правопослушного поведения поднадзорного.

Говоря об индивидуализации постпенитенциарного административного надзора, необходимо затронуть вопрос и об органах, определяющих административные ограничения. Согласно ст. 6 Федерального закона административный надзор устанавливается судом на основании заявления исправительного учреждения или органа внутренних дел. Порядок установления постпенитенциарного административного надзора по заявлению исправительного учреждения с точки зрения криминологической обусловленности имеет, на наш взгляд, и определенные недостатки. Согласно п. 2 ст. 261.5 ГПК РФ по делу об установлении административного надзора в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы, заявление подается в суд по месту нахождения исправительного учреждения. Однако большая часть освобожденных из мест лишения свободы будут претерпевать постпенитенциарный административный надзор не по месту нахождения исправительного учреждения. В этой связи заслуживает внимания вывод Л.В. Чуприной, сделанный ею для режима условно-досрочного освобождения, что «объем данных, кото-

рыми располагает суд по месту отбывания наказания, как правило, достаточен для принципиального решения об УДО, но недостаточен для определения режима испытания» [5. С. 162]. Заслуживает поддержки вывод автора, что решать вопрос о конкретных условиях режима испытания при условно-досрочном освобождении мог бы суд по месту жительства освобожденного после его прибытия по представлению уголовно-исполнительной инспекции, где он, как правило, должен будет встать на учет [5. С. 164]. Аналогичный порядок целесообразен и при решении вопроса об установлении конкретных ограничений освобожденному при административном надзоре.

Дифференциация административного надзора проводится непосредственно в Федеральном законе «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Согласно ст. 3 данного нормативного акта освобожденные из мест лишения свободы дифференцируются на две группы. Первую составляют лица, в отношении которых административный надзор устанавливается в обязательном порядке при их освобождении (ч. 2 ст. 3). Ко второй группе относятся лица, в отношении которых административный надзор устанавливается только при наличии указанных в законе оснований (ч. 3 ст. 3).

Принцип экономии принудительных средств воздействия при постпенитенциарном административном надзоре тесно связан с принципом его индивидуализации и необходимости установления к поднадзорному конкретных административных ограничений. По возможности они должны минимально ограничивать законные права и свободы человека, причем лишь в той мере, в которой это необходимо для предупреждения совершения поднадзорным повторных преступлений. Административные ограничения при его установлении не должны превращать административный надзор в дополнительное уголовное наказание для освобожденного из мест лишения свободы. Однако действующее уголовное законодательство не позволяет сделать однозначный вывод относительно отсутствия признаков уголовного наказания у административного надзора. Прежде всего речь идет о соотношении административных ограничений, устанавливаемых при административном надзоре, с ограничениями, составляющими содержание ограничения свободы как уголовного наказания (ст. 53 УК РФ). Во многом по своему содержанию они внешне совпадают, что послужило основанием для обращения некоторых граждан в Конституционный Суд РФ [6–11]. Последний все же отказывал в принятии их к рассмотрению, указав, что административный надзор не относится к мерам ответственности, а ограничения соответствуют ст. 55 Конституции РФ. Следовательно, административный надзор не нарушает прав заявителей. Соглашаясь с мнением Конституционного Суда РФ относительно того, что административные ограничения согласуются с нормой ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, допускающей ограничение прав и свобод человека и гражданина для защиты конституционно значимых ценностей, и являются соразмерными тем конституционно защищаемым целям, ради которых они вводятся, отметим, что вопрос о соотношении административного надзора и наказания в виде ограничения свободы все же остается открытым. По нашему мнению, в отечественном законодательстве не могут существовать два одинаковых по содержанию правовых института с одной целевой на-

правленностью, при которых одно признается карательным средством, а другое – нет. В этой связи указанные жалобы граждан в Конституционный Суд РФ не лишены оснований. В прежнем законодательстве постпенитенциарный административный надзор не мог вызвать такого рода коллизий, поскольку в УК отсутствовало наказание, аналогичное нынешнему ограничению свободы. Возвращая административный надзор, законодатель не придавал должного значения вопросу о его соотношении с иными институтами, направленными на предупреждение преступлений. Выходом из возникшей ситуации может быть лишь исключение ограничения свободы из перечня уголовных наказаний, как не обладающего карательным потенциалом, о чем неоднократно упоминалось в юридической литературе (см., например, [12]).

Гласность административного надзора состоит как в открытом характере контроля за поведением поднадзорного, так и в открытости и публичности деятельности органов внутренних дел (ст. 8 Федерального закона «О полиции»). Конечно же, гласность при осуществлении административного надзора не должна нарушать общеправового принципа гуманизма в том смысле, чтобы она не привела к унижению человеческого достоинства и компрометации поднадзорного. Кроме того, гласность административного надзора вовсе не означает открытости сведений о поднадзорном, на что прямо указано в Федеральном законе «О полиции». Часть 6 ст. 5 данного нормативного акта гласит, что «полученные в результате деятельности полиции сведения о частной жизни гражданина не могут предоставляться кому бы то ни было без добровольного согласия гражданина, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом». В этой связи на бланках некоторых документов, оформляемых при осуществлении административного надзора, имеется гриф ограниченного допуска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитин А.Д. Административный надзор в контексте общеправовых принципов // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2013. №1 (7). С. 62–67.
2. Бондаренко А.С. Административный надзор за освобожденными из ИТУ лицами и его эффективность (основные вопросы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1973. 29 с.
3. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 213 с.
4. Городнянская В.В. Постпенитенциарный рецидив. М.: Юрлитинформ, 2012. 165 с.
5. Чуприна Л.В. Режим испытания при условно-досрочном освобождении: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012. 251 с.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байкова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 3, 4, 5, 6, 10, 12 и 13 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», части первой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 261.8 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 597-О-О // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М., 2013. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гейера Сергея Юрьевича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»: Определение Конституционного Суда РФ от 16.02.2012 № 301-О-О // СПС «Кон-

сультантПлюс». Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М., 2013. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

8. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дуванова Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями статей 3, 4, части 3 статьи 13 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и статьи 261.8 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1741-О // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М., 2013. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

9. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Романцова Андрея Петровича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 1 статьи 4 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»: Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1739-О // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М., 2013. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

10. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чередниченко Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»: Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1740-О // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М., 2013. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

11. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Окунева Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями частей 2 и 3 статьи 13 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»: Определение Конституционного Суда РФ от 22.11.2012 № 2064-О // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М., 2013. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

12. Уткин В.А. О юридическом содержании уголовного наказания в виде ограничения свободы // Вестн. Том. гос. ун-та. 2006. № 292 (I). С. 44–48.

Nikitin Aleksandr D. Internal Affairs Directorate of Ivanovskaya oblast, Major-general (Ivanovo, Russian Federation).

SPECIAL PRINCIPLES OF POST PENITENTIARY ADMINISTRATIVE SUPERVISION.

Key words: administrative supervision, special principles.

The article deals with principal, basic requirements for post penitentiary administrative supervision as the main legal regime. The author separates and discloses such special principles of administrative supervision as criminological reasonableness, individualization and differentiation, economy of enforcement means and publicity.

Criminological reasonableness of post penitentiary administrative supervision implies that its establishment should be based on the data of criminological forecast and be aimed at the reduction of recidivism with due consideration of its level, development and structure. Legislators didn't take into account the above principle in full while bringing administrative supervision back to national legislation.

Individualization is connected with the quality and character of restrictions imposed on the person under supervision and with the duration of administrative supervision and its possible changes.

Differentiation of administrative supervision implies the division of the supervised into two groups: people against whom administrative supervision must be established when they are released and those against whom administrative supervision must be established if there are clear legal provisions in law.

The principle of economy of enforcement means of influence implies that administrative restrictions must limit the rights and freedoms of the supervised person at a minimum just to prevent repeated crimes. In this case administrative supervision should not be transformed into an additional criminal punishment for released convicts. However, our current criminal legislation doesn't allow us to state unambiguously that administrative supervision has no features of a criminal punishment. First of all, this is the correlation between administrative restrictions established under administrative supervision and restrictions of freedom as a criminal punishment (Article 53 of the Criminal Code of the Russian Federation). Because of essential similarity between the content of custodial restraint punishment and the content of post penitentiary administrative supervision their concurrent existence in national Russian legislation is inadmissible. The author sees the

solution of the above problem in the exclusion of custodial restraint from the list of criminal punishments as this measure doesn't possess a punitive potential of such punishments. Publicity of administrative supervision involves both the open character of control over the behavior of the supervised and openness and publicity of the activity of internal affairs bodies.

Establishment of administrative supervision on the basis of the highlighted principles will enable to increase the effectiveness of post penitentiary supervision and not to violate the rights of the supervised people.

REFERENCES

1. *Nikitin A.D.* Administrativnyy nadzor v kontekste obshepravovykh principov // *Vestn. Tom. gos. un-ta. Pravo.* 2013. №1 (7). S. 62–67.
2. *Bondarenko A.S.* Administrativnyy nadzor za osvobozhdenymi iz ITU lizami i ego effektivnost' (osnovnye voprosy): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 1973. 29 s.
3. *Filimonov V.D.* Kriminologicheskie osnovy ugolovnogo prava. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1981. 213 s.
4. *Gorodnyanskaya V.V.* Postpenitentsiarnyy rezidiv. M.: Yurlitinform, 2012. 165 s.
5. *Chuprina L.V.* Rezhim ispytaniya pri uslovno-dosrochnom osvobozhdenii: dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 2012. 251 s.
6. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Baykova Alekseya Alekseevicha na narushenie ego konstituzionnykh prav polozheniyami statey 3, 4, 5, 6, 10, 12 i 13 Federal'nogo zakona «Ob administrativnom nadzore za lizami, osvobozhdenymi iz mest lisheniya svobody», chasti pervoy stat'i 86 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federazii i stat'i 261.8 Grazhdanskogo prozessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federazii: Opredelenie Konstituzionno-go Suda RF ot 22.03.2012 № 597-O-O // SPS «Konsul'tantPlyus». Versiya Prof, setevaya. Elektron. dan. M., 2013. Dostup iz lokal'noy seti Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.
7. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Geyera Sergeya Yur'evicha na narushenie ego konstituzionnykh prav Federal'nym zakonom «Ob administrativnom nadzore za lizami, osvobozhdenymi iz mest lisheniya svobody» i Federal'nym zakonom «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federazii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona «Ob administrativnom nadzore za lizami, osvobozhdenymi iz mest lisheniya svobody»: Opredelenie Konstituzionnogo Suda RF ot 16.02.2012 № 301-O-O // SPS «Konsul'tantPlyus». Versiya Prof, setevaya. Elektron. dan. M., 2013. Dostup iz lokal'noy seti Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.
8. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Duvanova Andreya Michaylo-vicha na narushenie ego konstituzionnykh prav polozheniyami statey 3, 4, chasti 3 stat'i 13 Federal'nogo zakona «Ob administrativnom nadzore za lizami, osvobozhdenymi iz mest lisheniya svobody» i stat'i 261.8 Grazhdanskogo prozessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federazii: Opredelenie Konstituzionnogo Suda RF ot 24.09.2012 № 1741-O // SPS «Konsul'tantPlyus». Versiya Prof, setevaya. Elektron. dan. M., 2013. Dostup iz lokal'noy seti Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.
9. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Romanzova Andrey Petrovicha na narushenie ego konstituzionnykh prav punktom 3 chasti 1 stat'i 4 Federal'nogo zakona «Ob administrativnom nadzore za lizami, osvobozhdenymi iz mest lisheniya svobody»: Opredelenie Konstituzionnogo Suda RF ot 24.09.2012 № 1739-O // SPS «Konsul'tantPlyus». Versiya Prof, setevaya. Elektron. dan. M., 2013. Dostup iz lokal'noy seti Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.
10. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Cherednichenko Aleksandra Sergeevicha na narushenie ego konstituzionnykh prav polozheniyami Federal'nogo zakona «Ob administrativnom nadzore za lizami, osvobozhdenymi iz mest lisheniya svobody» i Federal'nogo zakona «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federazii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona «Ob administrativnom nadzore za lizami, osvobozhdenymi iz mest lisheniya svobody»: Opredelenie Konstituzionnogo Suda RF ot 24.09.2012 № 1740-O // SPS «Konsul'tantPlyus». Versiya Prof, setevaya. Elektron. dan. M., 2013. Dostup iz lokal'noy seti Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.
11. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Okuneva Viktora Vasil'evicha na narushenie ego konstituzionnykh prav polozheniyami chastey 2 i 3 stat'i 13 Federal'nogo zakona «Ob administrativnom nadzore za lizami, osvobozhdenymi iz mest lisheniya svobody»: Opredelenie Konstituzionnogo Suda RF ot 22.11.2012 № 2064-O // SPS «Konsul'tantPlyus». Versiya Prof, setevaya. Elektron. dan. M., 2013. Dostup iz lokal'noy seti Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.
12. *Utkin V.A.* O yuridicheskom soderzhanii ugolovnogo nakazaniya v vide ogranicheniya svobody // *Vestn. Tom. gos. un-ta.* 2006. № 292 (I). S. 44–48.